

ВКЛЮЧЕНИЕ АФРИКИ В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ: ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА?¹

Глобализация является, по сути, следующей, более высокой стадией интернационализации хозяйственных связей. Она начала проявляться уже в 1950-х годах в росте масштабов мировой торговли, создании межгосударственных объединений стран-производителей и экспортеров отдельных видов товаров, появлении региональных интеграционных группировок, а также в активизации деятельности транснациональных корпораций (ТНК) — так называемой транснационализации национальных экономик.

Является ли глобализация результатом естественной и линейной эволюции, обусловленной действием только рыночных сил? Или существует некая тайная стратегия и какие-то «настоящие» руководители направляют этот процесс? Так думают некоторые представители африканской интеллектуальной и политической элиты, рассматривающие глобализацию как новый этап закрепления существующей позиции стран континента в качестве придатка мировой экономики. Тем не менее большинство из них склонны считать ее неизбежным явлением, к которому надо приспособиться. Мы рассматриваем глобализацию не как простое расширение сферы международных отношений, а как объективный процесс превращения мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и знаний.

Первым этапом включения африканских стран в глобальную экономику можно считать начальный период их деколонизации. Предпосылкой этого процесса стало превращение до-

¹ Статья подготовлена при содействии Дома наук о человеке, Франция (Maison des Sciences de l'Homme).

колониальных экономик в открытые подсистемы колониальных систем хозяйствования. На фоне появившихся одновременно с возникновением «третьего мира» теорий «африканского социализма», «третьего пути развития» стали обсуждаться варианты кооперирования с бывшими метрополиями на новых условиях.

В частности, уже в 1961 г. президент Сенегала Л. Сенгор, один из наиболее видных сторонников «африканского социализма», предложил проект создания сообщества Евро-Африка (Eurafrîque) — своеобразной «вертикальной» интеграции Африки и Европы.

Одновременно стали рассматриваться варианты региональной межафриканской интеграции. Первый президент Ганы Кваме Нкрума выдвинул идею необходимости создания общеконтинентальной федерации независимых государств. Он считал подобный «горизонтальный» тип интеграции решающим способом противодействия новой колонизации Африки со стороны транснациональных корпораций.

К. Нкрума одним из первых определил неокOLONИализм как формальную государственную независимость при сохранении внешнеэкономического господства иностранного капитала. Он считал, что поскольку транснациональные корпорации осуществляют стратегию коллективного господства, им надо противопоставить стратегию коллективного сопротивления, а для этого следует провести перегруппирование африканских государств на политической и экономической основе. На Западе проект межафриканской интеграции был воспринят в целом отрицательно, так как означал отключение Африки от процесса глобализации (хотя этот термин тогда еще не применялся).

В рамках этих направлений — межконтинентальной либо внутриконтинентальной интеграции — африканские руководители сделали свой экономический выбор и начали проводить собственную «политику развития». В 1960–1970-е годы горячо обсуждалась проблема выбора странами Африки модели, или,

как писали тогда в советской африканистике, пути социально-экономического развития.

Классические критерии, предлагаемые типологией социально-экономических систем, — способ собственности на средства производства (общественная или частная) и способ регулирования экономики (план или рынок). Общеизвестно, что в чистом виде социально-экономические системы не существует нигде в мире, в том числе и в Африке. Экономика континента не «вписывались» ни в капиталистическую (рыночную), ни в социалистическую систему.

Поэтому, например, американский экономист Баласса различал «страны с плановой экономикой» (Бенин, Эфиопию, Мадагаскар, Танзанию, Замбию, Гану, Мали), «страны с рыночной экономикой» (Ботсвана, Камерун, Кот-д'Ивуар, Маврикий) и так называемые «промежуточные страны» (Сенегал, Судан, Заир, Кения, Малави, Нигер, Того, Буркина Фасо). Он предложил другую типологию, положив в ее основу такие критерии, как степень вмешательства государства в экономику и степень открытости национального хозяйства внешнему миру.

В соответствии с этой классификацией были выделены «относительно закрытые страны с сильным государственным вмешательством» (Бенин, Эфиопия, Мадагаскар, Танзания, Замбия, Гана, Мали, Сенегал, Судан, Заир) и «страны, ориентированные на развитие рынка» (Ботсвана, Камерун, Кот-д'Ивуар, Маврикий, Кения, Малави, Нигер, Того).

В 1980-х годах некоторые авторы — европейцы и африканцы (например, сенегальский ученый М. Диуф) — стали использовать понятие «государственный капитализм» применительно ко всем африканским странам, поскольку ответственность за ведение хозяйства во всех них была возложена на государство. С этим подходом переключалась предложенная нами в 1980-е годы трактовка роли государства в экономическом развитии стран континента [Бабинцева, Морозенская 1989: 16–49]: унаследованная от разнородной системы колониальных и доколони-

альных структур административная система молодых государств как главный управляющий орган, способный противостоять ТНК и проводить экономическую политику, отвечающую национальным интересам.

Преодоление экономической отсталости требовало больших капиталовложений, высокого уровня концентрации капитала, организационного опыта, то есть качеств, присущих достаточно высокой фазе накопления, которыми не обладали мелкие африканские ремесленники и торговцы, составлявшие основную часть местного частного предпринимательства. Такими возможностями обладало только государство. Лидерство государственно-капиталистического уклада обеспечивалось, прежде всего, созданием в его рамках базовых отраслей промышленности, стимулированием развития производительных сил во всех секторах экономики, мобилизацией всех ресурсов общества на борьбу с экономической отсталостью, регулированием общественного производства и поощрением частного предпринимательства. Масштабность этих задач способствовала тому, что государственный капитализм в Африке на двадцать лет фактически занял позиции ведущего уклада — независимо от того, какую социальную ориентацию развития прокламировала та или иная страна.

Водоразделом между африканскими странами не стало и планирование экономического развития. В те годы наличие национального плана нередко рассматривалось правительствами как признак социалистического характера их экономики. А на практике — у какой африканской страны не было своего плана экономического развития? Ведь планирование было следствием активного участия государства в управлении хозяйством и первоначально вводилось еще колониальными властями: во франкоязычной Африке — в 1946 г. (Инвестиционным фондом для экономического и социального развития, который служил инструментом применения в колониях французского «первого плана

модернизации и оснащения»), а в англоязычной Африке (Золотом Береге) — еще в 1920-е годы.

С начала периода независимости планирование применялось во всех африканских странах, независимо от принятой экономической стратегии и провозглашенной идеологии. Именно план был призван определить рамки экономической политики, направленной на мобилизацию внешних ресурсов для финансирования проектов развития. Однако, как правило, это были планы индикативные, в отличие от императивных планов в социалистических странах. Впрочем, в первые десятилетия независимости планирование не оказало почти никакого воздействия на развитие африканских экономик. Планы составлялись без использования соответствующей методологии, не было точного реестра ресурсов и перечня реальных потребностей. В отличие от планов развития инвестиционные кодексы, применявшиеся во всех африканских странах, были составлены более профессионально и нацелены на привлечение иностранного частного капитала (один из самых первых инвестиционных кодексов в Африке был ратифицирован в 1963 г. в Гане, еще при правлении К. Нкрума).

Таким образом, различия между африканскими экономиками в тот период состояли лишь в степени государственного вмешательства, решающим оставался критерий внешнеэкономической открытости национального хозяйства. Экономика во всех колониях изначально формировалась как экстравертная, открытая (по сути — как «придаток» экономики метрополий). Поэтому сохранение этой открытости или, напротив, замещение ее закрытостью и стало главной отличительной чертой отсталой экономики в постколониальный период.

Применительно к проблеме глобализации можно констатировать, что в этот период государства континента были в той или иной степени вовлечены в экономическую деятельность противостоявших друг другу социальных систем — социалистической или капиталистической. Однако при этом они под-

держивали связи и с противоположным «лагерем», а также пытались налаживать взаимное экономическое сотрудничество, правда, как выяснилось позже, не слишком успешно. В целом можно говорить об определенном «законсервировании» процесса глобализации в тот период.

Вторая попытка активного включения континента в процесс глобализации была предпринята в 1980-1990-е годы: предполагалось кардинально увеличить внешнеэкономическую открытость стран Африки в результате реализации разработанных Всемирным банком и Международным валютным фондом (МВФ) программ по структурной адаптации экономики. Во главу угла была поставлена задача ускорения экономического роста. Однако рост как таковой отнюдь не является гарантией повышения реального уровня жизни, если не увеличивается объем потребляемых населением товаров и услуг и предоставляемых общественных благ (медицина, образование и т.п.).

Более того, быстрый экономический рост, особенно основанный на расширении экспорта невозпроизводимых природных ресурсов, может приводить к их исчерпанию и загрязнению окружающей среды. Случается, что более низкий старт дает возможность ускорить рост, но это не означает первенства на финише. Это мы и наблюдаем в Африке, демонстрирующей в последние годы значительно более высокие темпы роста ВВП, чем в прежние годы, даже выше среднемировых, но не приблизившейся пока существенно к решению коренных социальных и экономических проблем.

Следует отметить, что программы Всемирного банка и МВФ по проведению структурных преобразований в экономике развивающихся стран, прежде всего в Африке, за годы реализации претерпели довольно значительные изменения. Начавшись в 1980-е годы с жестких мер в области финансового контроля, ослабления государственного регулирования и резкого изменения структуры собственности, действия по либерализации экономики были впоследствии в какой-то степени скорректированы

под давлением резко ухудшившейся социально-экономической и гуманитарной обстановки в этих странах. В целом проводившаяся в 1980-е годы политика регулирования экономики африканских стран оказалась неполной — и по охвату государств, и по степени интенсивности предпринимавшихся ими мер.

Одновременно велись поиски оптимальных принципов сотрудничества между Африкой и Европой, что нашло отражение в последовательно сменявших друг друга в 1975–2000 годы четырех Ломейских соглашениях. Первое соглашение было подписано в 1975 г. после расширения в 1973 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС) с шести до девяти стран. Со вступлением в ЕЭС Англии, Ирландии и Дании уже действовавшее вертикальное сотрудничество ЕЭС с 18 франкоязычными странами Тропической Африкой дополнилось за счет бывших английских колоний в Тропической Африке, на Карибских островах и в бассейне Тихого океана (страны АСР). В результате к сотрудничеству с ЕС оказались привлечены 57 стран, в том числе 46 африканских. Главной экономической мотивацией стран Европы к такому расширению было сохранение гарантий устойчивого снабжения их сырьем. Для Африки, связанной основными торговыми потоками прежде всего с Западной Европой, главный экономический интерес состоял в том, что торговля в соответствии с Ломейскими соглашениями предусматривала для них торговые преференции.

Дальнейшее разворачивание процесса глобализации нашло отражение в четвертом соглашении («Ломе–IV»), подписанном в 1989 г., пересмотренном в 1995 г. и прекратившем свое действие в феврале 2000 г. Это последнее из Ломейских соглашений. Одним из его основных условий было проведение странами АСР структурных преобразований экономики. Соглашение стало своеобразной альтернативой программам МВФ по структурной адаптации африканской экономики в более мягкой форме, чем в программах МВФ. Правительствам стран АСР было предложено вырабатывать, причем самостоятельно, принципы про-

ведения реформ и их экономического регулирования, а взамен получать от Европейского союза (ЕС) безвозмездную помощь (а не ссуды, как предусматривалось программами МВФ). Преодолению сопротивления некоторых стран АСР программам структурной перестройки экономики и превращению этих программ в обязательные была посвящена специальная статья 130U «Сотрудничество для развития» в Маастрихтском договоре (о превращении ЕЭС в ЕС).

Коррективы, вносившиеся в экономическую политику набравшей все больший темп глобализацией, коснулись, в первую очередь, валютно-финансовой сферы. Если в 1980-е годы были девальвированы все неконвертируемые африканские валюты стран, принявших программы структурной адаптации, то в 1990-е годы очередь дошла до коллективной валюты стран Западной Африки — франка КФА. После двукратного обесценения (в 1994 и 1999 г.) его удалось сначала вывести из-под непосредственного контроля правительства Франции, а затем «привязать» непосредственно к ЕВРО. Это мероприятие, не нашедшее никакого отражения в Ломейском соглашении между ЕС и АСР, свидетельствует о формировании новой системы валютного взаимодействия между этими странами как одного из условий дальнейшей глобализации экономики.

Важным свидетельством глобализации стало открытие в 1982 г. доступа к вложениям в акционерный капитал Африканского банка развития (АБР) для неафриканских партнеров. До этого АБР был единственным региональным банком (в отличие от Азиатского банка развития и Межамериканского банка развития), на капитал которого полностью подписались государства континента. С 1999 г. доля неафриканских членов в акционерном капитале АБР растет за счет государств Северной и Южной Америки, Европы, Азии и Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Кувейт). Предполагается, что расширенный АБР с помощью целевых кредитов будет способствовать реализации программ структурной перестройки экономики африканских

стран. В настоящее время в органах исполнительной власти России обсуждается возможность ее вхождения в АБР в качестве зарубежного партнера. Это дало бы возможность в той или иной мере влиять на развитие отраслей и регионов Африканского континента в интересах как африканских стран, так и России.

В 2000-е годы на фоне ускорения глобализации в Африке разворачивается процесс «нового регионализма», выражающийся в активизации существующих межгосударственных объединений и создании новых субрегиональных и континентальных институциональных структур. При этом наблюдаются две тенденции: во-первых, определенная унификация устройства и форм деятельности региональных группировок, во-вторых, увеличение числа стран-участниц и расширение масштабов деятельности общеконтинентальных организаций.

Важно отметить, что субрегиональные группировки в сфере экономической интеграции и сотрудничества в Африке южнее Сахары в отличие от интеграционных объединений в других частях света с момента своего основания характеризовались отсутствием барьеров для вступления в них государств с различными политическими и экономическими режимами². Даже конфликты, возникавшие между африканскими государствами (Буркина Фасо и Мали, Либерией и Сьерра-Леоне, Мавританией и Сенегалом и др.), не разрушали образованные ими интеграционные группировки.

В течение последних лет в Африке наблюдается своеобразное пересечение процессов экономической интеграции и либерализационных требований новой глобализации. В 1991 г. было

² Тогда как членами ЕЭС, например, могли стать только страны с рыночной экономикой и парламентской демократией, членами Совета экономической взаимопомощи – только государства с плановыми экономиками, возглавлявшиеся коммунистическими партиями, а участников Договора Анд в Латинской Америке сплотило стремление более жестко контролировать деятельность американских капиталов в регионе.

создано Африканское экономическое сообщество (АЭС) с участием всех государств-участников Организации Африканского единства (ОАЕ).

В настоящее время в Африке действуют 14 региональных экономических группировок. Сообщество развития Южной Африки (Southern African Development Community) перешло от совместной реализации проектов к классическому интегрированию рынков. Зона преференциальной торговли Восточной и Южной Африки в 1993 г. превратилась в Общий рынок стран Восточной и Южной Африки (COMESA), а в январе 2001 г. девять членов этого объединения, снизив таможенные пошлины на товары взаимной торговли примерно на 90 %, образовали зону свободной торговли.

В Западной Африке созданные в 1994 г. при поддержке со стороны ЕС Западноафриканский экономический и валютный союз (УЕМОА) и Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (СЕМАС) не спешат подчиняться идеям глобализации и соответствующим западным структурам. В договоре Экономического сообщества государств Западной Африки (СЕДЕАО), пересмотренном в 1992 г., оговорено, что «СЕДЕАО будет впредь единственным экономическим сообществом субрегиона» с руководством из числа африканцев, а не из Всемирного банка. Созданные взамен Экономического сообщества Западной Африки (СЕАО) и Таможенного и экономического Союза Центральной Африки (УДЕАС), пребывавших долгое время в состоянии летаргии, новые институты предусматривают организацию управленческих структур по образцу ЕС — Парламента, Экономического и социального совета, Комиссии в качестве исполнительного органа (в УЕМОА).

В июле 2000 г. на смену ОАЕ и АЭС пришел Африканский Союз (АС), имеющий те же административные органы, что и ЕС. Союз призван «способствовать социально-экономическому развитию Африки и противостоять более эффективно вызовам глобализации», как записано в его Учредительном акте.

В Восточной и Южной Африке рассматривается идея проводить дальнейшую либерализацию не на уровне государств, а на уровне субрегионов за счет стимулирования региональной торговли и перемещения факторов производства. Суть идеи состоит в том, чтобы соединить группу африканских стран, проводящих политику либерализации, таким образом, чтобы это придало им больше уверенности в отношениях с другими партнерами в мировом масштабе. Таким образом, субрегиональная интеграция рассматривается как своеобразный полигон общемировой интеграции (именно это постепенно происходит в Европе).

В целом результаты глобализации/либерализации для Африки далеко не блестящие по многим показателям. Темп прироста ВВП (привилегированный показатель МВФ и Всемирного банка) действительно увеличился, причем, если сравнивать с 1973–1994 гг. (0,6 %), то весьма значительно (до 4–5% в год). Однако двигателем этого роста стало улучшение условий товарообмена, в результате — ощутимый рост цен на продукты первичного экспорта в 1994–1996 гг. По имеющимся оценкам, ежегодное улучшение в течение 1990-х годов условий обмена на 10 % сопровождалось увеличением темпа роста ВВП в Африке до 1,7 %.

Между тем после двадцати с лишним лет либерализации экономические структуры на континенте не демонстрируют значительного положительного изменения. Экономическая обстановка, как и прежде, определяется внешними факторами, что ставит под сомнение реальность роста, который не является результатом внутреннего динамизма экономики, не создает занятости, сопровождается быстрым ростом бедности до невиданных масштабов.

Переход Африки к новой глобализации сопровождался инициативами ООН, стремящейся обеспечить континенту систему социальной защищенности. В середине 1980-х годов была опубликована «Программа действий ООН по восстановлению экономики и развитию Африки» (PANUREDA), в 1991 г. —

«Новая программа ООН для развития Африки» (UN — NADAF), а в 1996 г. — «Специальная инициатива ООН по Африке» (UNSIА). Во всех них делался акцент на управлении, производственной безопасности и информационных технологиях.

Что касается перспектив роста конкурентных преимуществ африканских стран в результате глобализации, то пока здесь наблюдается много противоречивых тенденций. Предоставляя десяткам тысяч транснациональных компаний и банков возможность все больше расширять сферу своей деятельности, глобализация вместе с тем ведет к обострению ценовой конкуренции между фирмами разных стран, в том числе и на их отечественных рынках. Перенесение международной конкуренции на внутренние рынки отдельных стран повышает их зависимость от мировой конъюнктуры и внешнюю «уязвимость» их экономики. Последняя включает в себя, с одной стороны, способность страны адаптироваться к меняющимся требованиям мирового рынка в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса, а с другой стороны — возможные издержки национальной экономики от участия в международном разделении труда.

Вместе с тем следует отметить, что те последствия, которые в настоящее время расцениваются как отрицательные, в предыдущие годы нередко считались положительным явлением. Так, увеличение стоимостного объема продаж основного экспортного товара страны можно рассматривать в краткосрочной перспективе как положительный для национальной экономики результат (рост финансовых поступлений). В долгосрочной перспективе тот же результат можно расценить как отрицательный, так как увеличение монокультурной направленности экспорта ведет к росту диспропорциональности национальной экономики и усилению ее зависимости от конъюнктуры мирового рынка. Кроме того, монокультурная структура экспорта, отсутствие надежной диверсифицированной производственной базы внутри страны и, как результат, сильная зависимость от внешних ис-

точников финансирования многократно увеличивают вероятность финансово-экономических потрясений.

Рост открытости африканских экономик, в экспорте которых преобладает один, пусть даже очень выгодный товар, как, например, в группе нефтедобывающих стран (независимо от степени диверсифицированности их производственной структуры), пока не привел к появлению у них долгосрочных конкурентных преимуществ. Неудивительно поэтому, что у многих исследователей возникают сомнения в том, возможен ли вообще какой-либо выигрыш от глобализации для стран континента.

Вместе с тем глобализация имеет, на наш взгляд, несомненный положительный результат: она стимулирует объединение усилий более бедных стран в решении сложных экономических проблем. В Африке это проявилось в движении «Африканского ренессанса», объединившего страны континента в поисках выхода из экономического тупика и повышения общемирового статуса, и в программе «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД). В отличие от предыдущих, по большей части декларативных общеафриканских социально-политических программ (Лагосский план действий, 1980–2000-е годы; Африканская программа приоритетов экономического развития, 1985 г.), новые проекты предполагают значительное расширение функций совместных организаций и их постепенное преобразование из чисто политических в политико-экономические. Так, Африканский союз будет отныне включать не только Всеафриканский парламент, судебные органы, но и Экономический и социальный совет, а также финансовые организации: Центральный банк, Инвестиционный банк, Валютный фонд. Одновременно в соответствии с принципами программы НЕПАД, инициатива принятия которой принадлежала наиболее активным странам-членам ОАЕ, международное сообщество отныне рассматривается странами Африки не как противостоящая континенту внешняя сила, а как важный компонент нового партнерства.

Исходя из того, что современная экономическая глобализация — это в первую очередь новый механизм принятия решений, инициативы африканских государств можно рассматривать как их стремление, с одной стороны, попытаться создать такой же механизм на региональном уровне, а с другой стороны — встроиться в соответствующий глобальный механизм. Это особенно важно, поскольку до последнего времени сохранялась ситуация, при которой в развитых странах традиционные сравнительные преимущества вытеснялись конкурентными преимуществами, в то время как в отсталых странах именно сравнительные преимущества, жестко привязанные к определенным национальным экономикам, продолжали и продолжают играть определяющую роль в экономическом развитии.

Предпринимаемые в последние годы усилия с целью качественно изменить взаимодействие между общеафриканскими институтами и международными экономическими и надгосударственными организациями представляют собой, по сути, третью попытку включения Африки в глобальную экономическую систему. Она может стать успешной лишь при достижении оптимального сочетания «нового регионализма» и «нового глобального сотрудничества».

Литература

Бабинцева Н.С., Морозенская Е.В. Изменения в социально-экономической структуре воспроизводства // Африка в 80-х годах: итоги и перспективы. Том «Экономика». М.: Восточная литература, 1989.